

Раздел IV

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 908(477.75) "18": 91

С. Н. АВСЕНЁВА

Проблема сохранения памятников Керчи в трудах путешественников конца XVIII – первой половины XIX века

Рассмотрен отдельный аспект охраны памятников древности Крыма на примере г. Керчи. Освещена проблема сохранения историко-художественных памятников Крыма, которая была затронута в заметках путешественников. Записки путешественников являют собой важный исторический источник для изучения истории Крыма в целом и, в частности, города Керчи конца XVIII – первой половины XIX в. Произведен анализ записок российских и иностранных путешественников, посетивших Крымский полуостров в конце XVIII – первой половине XIX в. За период после присоединения Керчи в 1774 г. к России и до 30-х гг. XIX в. город, равно как и весь Керченский полуостров, посетило большое количество иностранных и российских путешественников. Среди них были ученые, писатели и просто любители древностей. Особое впечатление на путешественников произвело недостойное отношение горожан и городских властей к памятникам древности, собранным в Керчи и ее окрестностях. Это отмечали и путешественники конца XVIII века, когда здесь не было ни музея, ни более или менее организованного плана раскопок, так и вояжеры первой половины XIX в. – времени, когда начались археологические разыскания на Керченском полуострове. Обилие археологических находок в Керчи и ее округе ставило вопрос о создании местного музея. Первые шаги в деле сохранения древностей были сделаны уже в начале 20-х гг. XIX в.

В 1826 г. был открыт городской историко-археологический музей, что положило начало археологическим изысканиям на керченской земле, которые особенно активизировались после открытия кургана Куль-Оба в 1830 г. Однако должное внимание к городским древностям пробудилось лишь после 1850 г., когда правительством была создана комиссия по исследованию древностей. Деятельность музея, становление археологии Керчи и ее окрестностей, судьбы многочисленных памятников древностей края нашли свое описание в работах каждого вояжера, в частности: М. Гатри, П. И. Сумарокова, Г. де Кастельно, И. М. Муравьева-Апостола, Р. Лайэлла, К. О. де Гелля, Г. Сеймура, П. В. Беккера и других. На основе данных предоставленных путешественниками прослежена эволюция понимания российским обществом необходимости сбережения уникальных частиц прошлого, их сохранения и научного описания в рассматриваемый период.

Ключевые слова: путешественники, Керчь, памятники, музей, раскопки.

Проблема охраны памятников старины в Крыму остается актуальнейшей вот уже на протяжении более двух веков. Истоки ее восходят к концу XVIII в., когда, с присоединением полуострова к России, сюда открылся путь для широкой российской и западноевропейской общественности, желающей наглядно ознакомиться с далеким прошлым Тавриды, а не черпать знания о ней только из сочинений античных и средневековых писателей. Поначалу число желающих посетить загадочный полуостров было незначительным, однако уже в первой четверти XIX в. путешествия приобретают более широкий размах [1, с. 14; с. 29–39; с. 97–101; с. 206–214; с. 66–74; с. 80–92]. В. В. Измайлов и П. И. Сумароков, странствовавшие по Крыму в начале первого десятилетия XIX в., отмечали, что встретить хоть одного путешественника в Тавриде – большая редкость, а уже в 1820 г. И. М. Муравьев-Апостол утверждал, что их здесь несметное множество и они то и дело попадают друг другу на пути. И что примечательно, не гнушались повернуть себя опасности и отправлялись в увлекательное, полное опасностей турне даже знатные дамы [2, с. 323]. Прежде всего, сюда направились люди образованные, т.к. вторая половина XVIII ст. являла собой эпоху энциклопедизма. В научных кругах тогда бытовала мысль о необходимости накопления большого количества знаний из разных отраслей науки [3, с. 43–50]. В связи с этим и получило развитие направление «ученых путешествий», предпринятых Санкт-Петербургской академией наук с целью всестороннего изучения разных регионов России. Но были и иные формы «исследования» края, когда сюда заезжали различные путешественники со стран Европы, не ставившие себе целью детальное научное изучение края. Их осуществляли разнообразные

авантюристы, устремившиеся на поиски счастья, служилые люди, сопровождавшие или ехавшие по указке начальства, молодые знатные юноши со своими воспитателями и многие другие. Небывалое распространение получил жанр путевых заметок [4, с. 160].

Город Керчь, насчитывающий двадцать шесть веков своей истории, – один из древнейших городов Украины. Трудно представить, сколько событий видела эта многострадальная земля. Здесь были киммерийцы, тавры, греки, скифы, сарматы, половцы, итальянцы, славяне, татары, турки и другие народы, каждый из которых оставил заметный след в истории края и по-разному повлиял на дальнейшую историю города и Крыма в целом. Благоприятный климат, удобное место для гавани, хорошая почва – все это обусловило существование здесь на разных этапах времени множества городов, таких как греческий Пантикапей, византийский Боспор, славянский Корчев, хазарский Карх, итальянский Черкио, турецкий Черзети и, наконец, Керчь. Этот край полуострова никогда не знал покоя, постоянно ощущал на себе тяжести войны, принимал и сменял все новых и новых хозяев и правителей. Одним словом, с первого поселения жизнь здесь не прерывалась никогда.

С начала XIX в. благодаря вниманию государства небольшой город стал стремительно развиваться. Важной датой в развитии города стал 1821 год, когда указом Александра I в нем был учрежден морской торговый порт, что способствовало формированию новой торговой статьи в экономике города, который многие называли маленькой Одессой. Большую роль в поддержке его экономики сыграло учреждение карантинной заставы и таможни. Новые общественные здания, дома и другие постройки украсили внешний облик города [5, с. 186–187]. Край, оставивший более чем заметный след в мировой истории, естественно, не мог не вызывать интерес у путешественников, и они, объединенные любовью к древностям, стремились ознакомиться с ними [6, с. 500–505]. Весьма неприветливое состояние города в конце XVIII в. (война, изгнание турок) практически не повлияло на общее впечатление путешественников, а уж в более позднее время, в начале XIX века, они с удовольствием и большими надеждами смотрели на возрождающийся и полный перспектив город.

Много внимания уделяли путешественники недостойному отношению горожан и городских властей к памятникам древности, собранным в Керчи и ее окрестностях, характерно, что это отмечали и путешественники конца XVIII века, когда здесь не было ни музея, ни более или менее организованного плана раскопок, и вояжеры первой половины

XIX в. – времени, когда начались археологические разыскания на Керченском полуострове. О многочисленных остатках древних памятников, разбросанных повсюду в городе, говорил уже П. С. Паллас – натуралист и путешественник-энциклопедист, посетивший Керчь в 1794 г.: «В крепости были, кроме очень древней греческой церкви, всякого рода развалившиеся постройки, которые уничтожили, взяв нужный материал для постройки казарм. При раскопе фундаментов было найдено много старых могил и других древностей различного рода, скрытых работавшими солдатами, а камни с надписями были ими употреблены в постройки» [7, с. 54].

Недоумевала перед недостойным отношением к этим великолепным памятникам англичанка М. Гутри (Гатри) (1795 г.). Их, как она говорила, пощадили даже средневековые варвары и татарские орды. А современные жители-христиане не гнушаются использовать их в качестве материала для постройки своих жилищ и подсобного материала. Ей не было ясно, «как предметы, достойные выставляться в лучших музеях мира, используются совершенно не по назначению» [8, с. 29]: «Античные мраморные статуи греческих мастеров также были распаны в Керчи, а также большой бассейн, отделанный мрамором, в настоящее время использующийся для поения лошадей» [9, с. 172].

Внимание этому в своих записках уделили также писатель, сенатор и член российской академии. П. И. Сумароков (1799, 1802 г.) [10, с. 108], французский барон Г. де Кастельно д'Орос (1810 г.) [11, с. 241], писатель и государственный деятель И. М. Муравьев-Апостол (1820 г.) [12, с. 262], англичанин Р. Лайэлл (1822 г.) [13, с. 376]. Ценные памятники древности, естественно, привлекали людей корыстных, охотников за наживой, которым не было собственно никакого дела до прошлого города, сохранения ее частиц для потомков.

Описание любительских поисков, проводимых без любой фиксации, сопровождавшихся разрушением и порчей памятников, – не редкость на страницах сочинений ранних путешественников. Яркий пример «дилетантских» раскопок мы находим у Е.-Д. Кларка, путешествовавшего по Крыму в 1800 г.: «Этот человек, как и многие другие, был нанят копать возле церкви, и они выкопали гробницу из целого блока, цилиндрической формы, обтесанную как колодец и покрытую мраморной плитой. В этом цилиндре находилось что-то вроде пасты овальной формы, сверху покрытой слоем белого цемента, похожего на известковый раствор. Когда убрали эту верхнюю корку, увидели небольшую терракотовую вазу, о которой я рассказывал. Она была наполнена пеп-

лом и закрыта головой Медузы, сделанной из материала, похожего на первый слой, покрывающий вазу. Усилия, приложенные чтобы тщательно очистить вазу, почти полностью стерли следы многочисленных черных фигур, украшавших ее» [14, с. 16–17]. Уникальные находки, добытые такими «раскопками», с легкостью продавались и пополняли частные, зачастую заграничные, коллекции. Е.-Д. Кларк не преминул воспользоваться такой возможностью: «Войдя в Керчь, первым делом мы спросили о медалях у греков, которых мы встречали; они принесли нам многие монеты, большинство в таком плохом состоянии, что они едва заслуживали какого-либо внимания. Я все-таки купил одну из бронзы, имеющую совершенно другое достоинство: она доставила мне огромное удовольствие. Поспешив освободить ее от грубой обертки, я отчетливо заметил слово ПАНТИКАПАИТОН. Каждая буква прекрасно сохранилась <...> Ни в каком другом месте Крыма путешественник не встретит, вероятно, такого количества древностей, как в Керчи. Крестьяне продают за несколько копеек древние монеты этих краев. Стены города покрыты мраморными плитами, целыми и разбитыми, с барельефами и надписями, оставленными без внимания или разрушенными. Эти мраморные плиты используют для ступеней перед дверьми домов или, как в Еникале, они используются для строительства вперемешку с самыми грубыми материалами.

Некоторые жители украсили свои двери греческими барельефами, понятия не имея об их действительной ценности и не обращая ни малейшего внимания на расположение фигур. Эти плиты устанавливаются во всех направлениях, зачастую наискось или в совершенно перевернутом положении. Множество этих бесценных остатков должны были навсегда исчезнуть в тот момент, когда мы приехали. Их собрали, чтобы использовать для ремонта церкви» [14, с. 21; 31–34].

Обилие археологических находок в Керчи и ее округе ставило вопрос о создании местного музея [15, с. 154–178]. В 1822 году было издано распоряжение о «сохранении памятников древности в Крыму» [16, с. 155–158], которым на уход за древностями выделялись специальные средства [17 с. 389]. Активную деятельность в деле сохранения местных древностей в 20-е гг. XIX в. развернули И. А. Стемповский (керчь-еникальский градоначальник 1828–1832 гг.) и первый исследователь керченских древностей П. Дюбрюкс [18, с. 8–10; с. 18–29; с. 13]. Ему при поддержке губернских властей было разрешено заниматься археологическими исследованиями при условии регулярного сообщения о них Академии Наук. До получения официального помещения

находки хранились в доме П. Дюбрюкса, который стал своеобразным музеем (Рис. 1). Решающим шагом в деле создания музея явилась записка «Древности Керченского полуострова», поданная Рафаилом А. Скасси – попечителем керченской торговли с горцами, графу М. С. Воронцову, вероятнее всего, не ранее августа 1823 г. [19, с. 40–41]. Не оспаривая необходимости должного обращения с ценнейшими памятниками истории, М. С. Воронцов подал докладную записку императору Александру I с предложением открыть Музей древностей в Одессе и его отделение в Керчи.

Понимая значимость местных памятников древности, необходимость их учета и сохранения, искреннюю надежду на создание музея выражали и путешественники. Так, читаем у П. П. Свиньина (1825 г.): «Я долго не забуду приятных минут, проведенных мною здесь, и душевно порадуюсь, когда выполнится счастливая мысль, сделать гулянье вокруг горы по винтообразной дороге, а на площадке, выдавшейся к стороне моря, выстроить великолепный храм в древнем вкусе – для помещения музея, составленного им вещей, находимых в здешних окрестностях. Сим способом сохранить драгоценности лучшего времени греческих искусств, кои доселе погребали безвозвратно» [20, с. 7–8].

О подготовительном периоде существования музея, когда тот размещался на квартире П. Дюбрюкса, рассказывал Ф. Ф. Вигель – керченский градоначальник в 1826–1828 гг.: «Музей. Он открыт только в 1823 году, под управлением г. Бларамберга и покамест помещается в доме одного француза, Шевалье дю Брюкса. Собрание древностей делается с успехом; теперь находится уже в музее большое количество воспорских медалей, золотых, серебряных и бронзовых, урны с пеплом умерших, большие амфоры, в которых древние хранили вино и деревянное масло <...> Пять или шесть колоссальных мраморных торсов и множество обломков архитектуры и скульптуры, в которых знатоки находят прекрасную отделку, делают сие собрание весьма любопытными. Есть также много очень хороших золотых вещей – венец из золотых листьев, отрытый в могиле какой-то царицы, пропасть золотых перстней с редкими камнями браслеты и прочее, и прочее.

Директор сего музея, г. Бларамберг, живет в Одессе, редко и на короткое время приезжает в Керчь, и от того-то медленно умножается сия коллекция. За ее хранением имеет присмотр местное начальство <...> Когда приведется в исполнение намерения графа Воронцова построить особое здание для музея, определять к тому особого чиновника, который бы имел постоянное пребывание в Керчи, и начнут

систематически, по порядку, разрывать курганы, то собрание керченских древностей будет одно из достопримечательнейших в свете» [21, с. 78–80].

Официальной датой создания музея считается 2 (15) июня 1826 г. Его директором был назначен Ж. М. Бларамберг, находившийся постоянно в Одессе и посещавший Керчь только на время важных раскопок. В то время на первое место встал вопрос сохранности вещей. Приказом М. С. Воронцова у дома П. Дюбрюкса был поставлен военный караул. Полиции предписывалось хранить музейные вещи «под собственную ее ответственность». Чтобы предотвратить утрату памятников, керченский градоначальник нанял специального надсмотрщика [16, с. 158–161].

В мае 1833 г. указом М. С. Воронцова произошло разделение Керченского и Одесского музеев. После смерти Ж. М. Бларамберга (1831 г.) и Р. А. Скасси (1832 г.) музеем недолго руководил П. Дюбрюкс, пока в 1833 г. на должность не был назначен А. Б. Ашик – сподвижник Р. А. Скасси, хранитель находок во время заведования музеем Бларамбергом. Находясь с этого же года в распоряжении Императорской Археологической комиссии, Керченский музей стал фактически пунктом пополнения богатой коллекции Эрмитажа.

Начатые А.Б. Ашиком масштабные раскопки в окрестностях города, проводились без расчетов, описей и планов [22, с. 565]. Целью их было лишь выполнить указы Эрмитажа на ценные и примечательные находки. В этом, отчасти, была и положительная их роль, так как многочисленные находки увеличивали финансирование музея, в чем он остро нуждался.

Для хранения и выставки, собравшихся к тому времени фондов, на горе Митридат было построено красивейшее здание в дорическом стиле [23, с. 3–4], представлявшее копию храма Тесея в Афинах. К 30 гг. XIX в. Керченский музей уже обладал богатейшим собранием античных древностей Крыма и представлял собой один из первых исследовательских центров археологии на юге России [19, с. 60] (Рис. 2). Содействие сбережению памятников археологии Крыма и Керчи в частности, оказывали и научные общества, как, например, Одесское общество истории и древностей [24, с. 403].

Из гостей города, посетивших Керчь уже после создания музея, возможность прикоснуться к частичкам древности не упустил не один из них. Детально описывал увиденное в новосозданном музее, с прибавлением интересных фактов «утери» ценнейших находок, которые не прекратились и с официальным открытием музея, известный путешес-

твенник, блестящий знаток древностей, швейцарский француз Ф. Дюбуа де Монпере (1832; 1834 г.): «Сегодня здание нового музея завершено <...> Этот музей требует опытного ученого, чтобы привести в порядок, расклассифицировать, расшифровать памятники, резко выделяющиеся на фоне обычных греческих находок <...> Вплоть до настоящего времени хранители больше заботились о том, чтобы собрать, нежели о том, чтобы освоить; не изучив даже того, чем владели, они нередко допускали расхищение самых ценных вещей. Приведу один факт, который мне известен по личному опыту.

В первом путешествии в июле 1832 г. я заметил три черепа необычайной формы: один был целым, с верхней челюстью; два другие представляли собой лишь фрагменты верхней части головы... Их нашли неподалеку от Еникале в очень древних гробницах... Я считал важным сделать с них рисунок, указав точные мерки, но, поскольку тогда провёл в Керчи только два дня, то отложил это до осени.

В это время г-н профессор Ратке, который видел эти черепа, был поражен ими, как и я; возвращаясь в Дорпат, он обратился в Санкт-Петербургскую академию с просьбой предоставить ему один. Но когда я вернулся в Керчь, лучший из черепов исчез; обеспокоившись, я стал разузнавать, что же произошло: очевидец рассказал мне, что два путешественника-иностранца добились их у г-на Дюбрюкса с помощью 100 рублей ассигнациями и что череп предназначался в музей Мюнхена. Я был чрезвычайно огорчен этим ущербом, нанесенным музею, который был вскоре замечен; так как академия написала, требуя один из черепов, и когда новый хранитель, преемник Дюбрюкса, захотел отыскать их, он нашёл лишь два фрагмента. Я описываю эти детали, чтобы хранитель знал, где находится вышеуказанный череп, и чтобы он не обвинял невиновных в пропаже, что он склонен сделать <...>

Мне неизвестно, что нашли в одной и другой из этих гробниц, которые я привожу как образец интерьера большей части курганов Карантинной группы. Торс статуи из керченского камня, который рабочие отбросили в сторону, поскольку она была не из ценного металла, находился поблизости, у входа в камеру с египетским сводом. Несмотря на его грубые формы, которые угадывались с трудом, торс заслуживал некоторого внимания, поскольку представлял собой единственный фрагмент этого рода, найденный в гробнице. По моей просьбе, г-н Стемповский велел перевезти его в музей» [25, с. 20–29; 58–59].

Рис. 1. Место, где располагался дом П. Дюбрюкса. Современный вид.

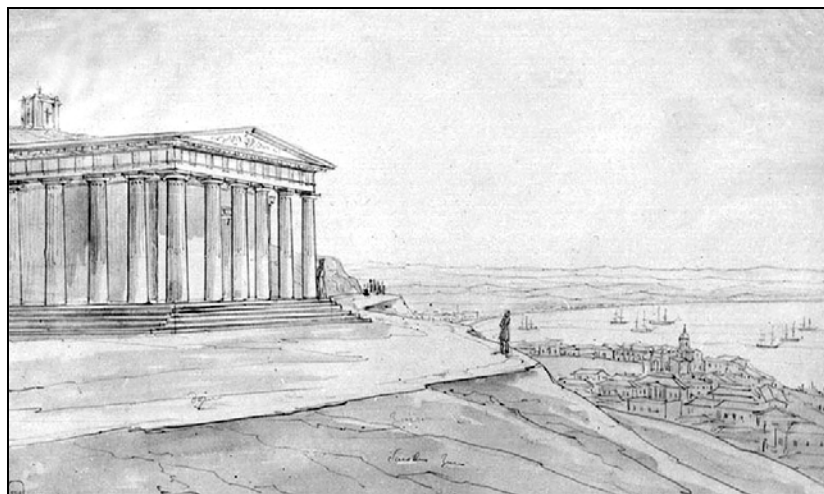

Рис. 2. Н. Г. Чернецов. Новый музей в Керчи. 1836 г.

Мы видим, что, несмотря на уже более высокий, по сравнению с предыдущим временем, уровень проведения раскопок, по-прежнему любой желающий мог «взять на память» понравившуюся ему находку, обнаруженную при раскопках. Так, французский маршал, герцог рагузский О. Ф. Мармон (1834 г.) получил «железа скифских стрел, которые были положены в одну из гробниц» [26, с. 240].

Правдиво передает неоправданно ужасающее и корыстное отношение к памятникам древности на раннем этапе существования музея и становления археологических исследований, когда прах или останки скелета в могиле, не снабженные каким-либо ценным инвентарем, попросту выбрасывались как не нужное и неинтересное, Э. Спенсер (1836 г.). По меткому замечанию путешественника, такого не творили даже средневековые варвары: «Как можно предположить, приобретение этих сокровищ породило желание открыть окружающие курганы, в полной надежде, что открытие второго в равной степени будут важны, власти Керчи выбрали один, размеры которого были аналогичны Алтын-Оба. Работало несколько человек в течение нескольких недель в раскопках <...>

Работа по поднятию тяжелых плит, которые были помещены в гробницу в форме креста, продолжалась медленно: ожидание были высоки, и, когда после долгих трудов массивные камни были удалены, мы увидели квадрат из камня, с деревянной коробкой в центре содержащей бронзовую урну, позолоченную, одной из самых изящных форм исполнения.

Саркофаг был доведен до Керчи, а когда был открыт, увы! Не было обнаружено ничего, кроме пепла того, кто был там похоронен. Эти останки, может быть, принца или героя с гордостью привели своих последователей к победе, а потом, как я видел, рабочие бросили их на навозной куче!

Должны ли мы не рассматривать этот акт как бессмысленное святотатство? Века прошли после столетий, когда эти курганы были сохранены последовательными ордами варваров, которые захватывали страну, пока не были сбережены для цивилизованного варварства девятнадцатого века, нарушившего святость могилы!» [27, с. 252–254].

Подобное происходило и в 40-е гг. XIX в. Это подтверждают слова французского путешественника К. О. де Гелля (1841 г.): «Правда, русское правительство не заботится о сохранении памятников, даже таких, которые непосредственно касаются его собственной истории, оно предоставляет только 4000 рублей на исследования, и, кажется, на самом

деле будет заинтересовано только предметами искусства, такими, как этрусские вазы, золотые украшения, статуэтки, и другим, которые могут служить для украшения залов Эрмитажа, но не существующих на юге России многочисленных обществ антикваров, которые являются официальными, но и не могут поставить вопрос, а, если он и будет поднят, то с целью получить от императора все необходимое для сохранения памятников на Керченском полуострове. К сожалению, общее безразличие к интеллектуальной деятельности... преобладает, и оно связано с археологией, как ни с чем другим <...>

Еще одним доказательством второстепенного внимания к этим исследованиям является незаинтересованность в изучении истории, много вещей пользуется вопиющим пренебрежением: саркофаги, барельефы, архитектурные фрагменты, и, одним словом, все те крупные скульптуры, которые не могут быть отправлены в Санкт-Петербурге и положены перед его величием. Когда я посетил музей Керчи, я обнаружил, что подход к постройке заполнен антиквариатом, который лежал на земле без крова. Носы и подбородки из основных фигур на барельефах были недавно изуродованы, может быть, в это утро, однако комитет, узнав об этом, не подумал сделать жалобу, так мало значения придается этому вопросу. При прохождении через различные залы музея я везде видел те же неосторожности, а также следы непрекращающихся грабежей. Среди других реликвий, разрушение которых мне пришлось созерцать, мне показали останки великолепного деревянного саркофага, который был найден в отличном состоянии. Он был украшен греческой резьбой, видные части которого были позолочены, а полые части окрашены в красный цвет, и это было, на мой взгляд, наиболее интересным экспонатом в музее... Мы никогда не выполнили бы свое задание, если бы нам пришлось считать все акты вандализма и грабежа, и из Керченского музея тогда был бы театр. Деталей, которые мы дали, будет достаточно для указания ценности археологических трудов на месте древнего Пантикапея; может, протесты, выдвинутые мной здесь во имя искусства, литературы и науки, привлекут внимание всех тех русских, которые испытывают реальный интерес к историческим памятникам страны» [28, с. 401–402].

Скудость музейных коллекций из-за отбора лучших памятников для украшения Эрмитажа, грабежа и невнимания отмечали и Н. Туровский (1841 г.) [29, с. 508], Г. Сеймур (1844 г.) [30, с. 292]. Должное внимание к городским древностям пробудилось лишь после 1850 г., когда правительством была создана комиссия по исследованию древностей [31, с. 287–

292], и только после этого раскопки стали вести правильнее, на смену кладоискательству пришло тщательное исследование каждого объекта [32, с. 5–6]. Подтверждение тому мы находим у археолога П. В. Беккера [33, с. 477; с. 101] (1852 г.): «<...> я должен сказать несколько слов о новом способе разрытия. Прежде, обыкновенно старались проникнуть во внутренность кургана, то делая отверстия с одной стороны, то разрывая его в прямом или крестообразном направлении. Теперь же стараются срезать по возможности весь курган, чтобы исследовать его во всех направлениях. Работа начинается сверху, где делают четверугольное углубление в несколько сажень. Не выходя из границ верхнего квадрата, насыпь, образующую курган, выбрасывают до тех пор, пока не достигнут материка. Таким образом, или прямо попадают на гроб, или проникают до бокового его входа. Когда гроб найден, его очищают с величайшею осторожностью; тогда кто-нибудь спускается вниз, и по останкам и другим признакам, заметя положение мертвого, начинает исследование с ноги и мало-помалу доходит до головы. При этом он перебирает прах и землю ножом, ищет зарытых вещей и вынимает найденное без всякого повреждения» [34, с. 365–366].

Очень жаль осознавать, что так необъяснимо долго шло к обществу понимание величия и ценности памятников древности, бережно хранящихся в керченской земле. Красивейшие статуи, барельефы, стелы, являющиеся ценнейшими памятниками античного Пантикапея, по свидетельствам путешественников, хоть и поступали на хранение в музей, но и там не всегда получали должный уход. Похоже, что ситуация в конце XVIII – 1-й половине XIX в. повторяется в наше время. Сможем ли мы ее исправить?

Источники и литература

1. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма : посл. треть XVIII – начало XX в. / А. А. Непомнящий / Институт украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского. – Киев, 1999. – 211 с. – (Серия : «Научно-справочные издания по истории Украины» ; вып. 46) ; Каушлиев Г. С. Отечественные путешественники в изучении историко-культурного ландшафта Крыма на рубеже XVIII–XIX ст. / Г. С. Каушлиев // Питання історії науки і техніки. – 2011. – № 4 (20). – С. 29–39 ; Прохорова Т. А. Проблемы поиска древних памятников Крыма путешественниками первой половины XIX века / Т. А. Прохорова // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма / ред.-сост. М. М. Чорев. – Севастополь; Тюмень, 2012. – Вып. 4. – С. 97–101 ; Каушлиев Г. С. Античні пам'ятки Тавриди у вітчизняній подорожній літературі : кінець XVIII – перша третина XIX ст. / Г. С. Каушлиєв // Праці Центру

- пам'яткознавства : зб. наук. пр. / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПНК. – К., 2011. – Вип. 20. – С. 206–214 ; Каушлиев Г. С. До історії пам'яткознавчих розвідок мандрівників у Криму наприкінці XVIII – в першій половині XIX століття / Г. С. Каушлиев // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. сер. : «исторические науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2. – С. 66–74 ; Громенко С. В. Дослідження подорожньої літератури в сучасній українській історіографії (1995–2012 рр.) / С. В. Громенко // Польські студії / Нац. ун-т «Києво-Могилянська академія». – К., 2012. – № 5: Дух і літера, № 25. – С. 80–92.
2. Мальгин А. В. Крым глазами путешественников конца XVIII – первой половины XIX в. / А. В. Мальгин // Крым сквозь тысячелетия / ред.-сост. Э. Б. Петрова. – Симферополь : ЛИРА, 2004. – С. 321–343.
 3. Каушлиев Г. С. Научно-исследовательская экспедиция А. Н. Демидова в историко-краеведческом познании Крыма / Г. С. Каушлиев // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. сер. : «Исторические науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 1. – С. 43–50.
 4. Даниленко В. Н. О начальном периоде в истории изучения Крыма / В. Н. Даниленко, А. В. Даниленко // Пантикапей – Боспор – Керчь : 26 веков древней столице : матер. Междунар. конф. / Керч. ист.-культ. заповед. – Керчь, 2000. – С. 156–163.
 5. Михайлов Л. А. Керчь в XVIII – XIX веках / Л. А. Михайлов // Пантикапей – Боспор – Керчь : 26 веков древней столице : матер. Междунар. конф. / Керч. ист.-культ. заповед. – Керчь, 2000. – С. 185–190.
 6. Боровкова В. Н. Город Керчь в воспоминаниях путешественников / В. Н. Боровкова // Науч. сб. Керч. заповед. / Керч. ист.-культ. заповед. – Керчь, 2006. – Вып. 1. – С. 500–505.
 7. Паллас П. С. Путешествие по Крыму в 1793 и 1794 гг. / П. С. Паллас // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1883. – Т. 13. – С. 49–62.
 8. Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера : авантурные приключения англичанок в Тавриде / Е. Н. Деремедведь. – Симферополь : СОНАТ, 2008. – 208 с.
 9. Guthrie M. A tour performed in the years 1795-6, through the Taurida, or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosphorus, the once powerful Republic of Tauric Cherson, and all the other countries of the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the Peace of Kainardi and Iassy / M. Guthrie / Printed by Nicholas and Son, Red Lion Passage, Fleet-Street, for T. Cadell, Jun. and W. Davies, in the Strand. – London, 1802. – 456 p.
 10. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду / П. И. Сумароков. – СПб. : Имп. типогр., 1803–1805. – Ч. 1. – 226 с.; Ч. 2. – 224 с.
 11. Castelnav G. Essai sur l'Histoire ancienne et Moderne de la Nouvelle Russie. Statistique des provinces guila component. Fondation d'Odessa : ses progres. Sou etactuel ; details. Sor commerce. Voyage en Crimée, dans l'interet de l'agriculture et du commerce : in 3 vol. / G. Castelnav. – Paris, 1820. – Vol. 3. – 347 p.
 12. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году / И. М. Муравьев-Апостол. – СПб. : Типогр. при особ. Канцелярии МВД, 1823. – 337 с.
 13. Lyall R. Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus and Georgia : in 2 vol. / R. Lyall / Printed by A. & R. Spottiswood, New-Stress-Square. – London, 1825. – Vol. 1. – 527 p.

14. Кларк М. Е.-Д. Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы / М. Е.-Д. Кларк // Археология и история Боспора / БФ «Деметра». – Керчь : 1999. – Т. 3. – С. 11–37.
15. Федосеев Н. Ф. Керченский музей древностей / Н. Ф. Федосеев // Вестник древней истории. – 2002. – № 1. – С. 154–178.
16. Федосеев Н. Ф. Пантикапей и «охрана памятников» в Керчи / Н. Ф. Федосеев // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2005. – № 9. – С. 155–170.
17. Даниленко В. Н. К 180-летию постановления «Об ограждении от разрушения» памятников Тавриды / В. Н. Даниленко // Херсонесский колокол : сборник науч. ст. / Под. ред. Э. Б. Петровой. – Симферополь : СОНАТ, 2008. – 432 с.
18. Непомнящий А. А. Один из основателей Керченского музея древностей : Польша Дюбрюкс / А. А. Непомнящий // 175 лет Керченскому музею древностей : междунар. конф. / Керч. ист.-культ. заповед. – Керчь, 2001. – С. 8–10 ; Тункина И. В. «Отец боспорской археологии» Польша Дюбрюкс / И. В. Тункина // Дюбрюкс Польша. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. : Тексты / Польша Дюбрюкс; сост. и отв. ред. И. В. Тункина. – СПб. : Коло, 2010. – С. 13–101.
19. Тункина И. В. Первые годы деятельности Керченского музея древностей / И. В. Тункина // Археология и история Боспора / БФ «Деметра». – Керчь, 1999. – Т. 3. – С. 39–60.
20. Свинын П. П. Керчь, древняя Пантикапея : из живописного путешествия по России издателя «Отечественных записок» / П. П. Свинын // Отечественные записки. – 1828. – Ч. 34, № 96. – Апрель – С. 3–31.
21. Вигель Ф. Ф. Записка о Керчи / Ф. Ф. Вигель // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1864. – Кн. 1, отд. 2. – С. 11–99.
22. Тункина И. В. Раскопки Д. В. Карейши и А. Б. Ашика в Восточном Крыму / И. В. Тункина // Дюбрюкс П. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. : Тексты / Польша Дюбрюкс; сост. и отв. ред. И. В. Тункина. – СПб. : Коло, 2010. – С. 533–588.
23. Иваненко П. И. Керченскому музею древностей – 175 лет / П. И. Иваненко // 175 лет Керченскому музею древностей : матер. Междунар. конф. / Керч. ист.-культ. заповед. – Керчь, 2001. – С. 3–7.
24. Шаманаев А. В. Охрана археологических памятников Южного берега Крыма в XIX – начале XX в. / А. В. Шаманаев // Античная древность и средние века. – Екатеринбург : изд-во Урал. ун-та, 2009. – Вып. 39. – С. 398–408.
25. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым : в 6 т. / Ф. Дюбуа де Монпере. Париж, 1843. Т. 5, 6. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2009. – 328 с.
26. Мармон. Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет / Мармон. – М. : Типогр. Н. Степанова, 1840. – Т. 1. – 266 с.
27. Spencer E. Travels in Circassia, Krim-Tatary including a steam voyage down the Danube, from Vienna to Constantinople, and round the Black sea. By Edmund Spenser. Third edition : in 2 vol. / E. Spenser / Printed by Ibotson and Palmer, Savoy street, Strand. – London, 1839. – Vol. 1. – 392 p.

28. Hell X. Hommaire de. Travels in the steppes of the Caspian sea, the Crimea, the Caucasus, & c. / Hommaire X. de Hell / Chapman and Hall, 186, Strand. – London, 1847. – 436 p.
29. Туровский Н. Ф. Дневник поездки по России в 1841 г. / Н. Ф. Туровский ; сообщ. А. А. Голомбиевский // Русская старина. – 1913. – № 9. – С. 492–528.
30. Seymour H. D. Russia on the Black Sea and sea of Azof : being a narrative of travels in the Crimea and bordering provinces; with notices of the naval, military, and commercial resources of those countries / H. D. Seymour / Printed by William Clowes and Sons, Stamford Street, Charing Cross. – London, 1855. – 393 p.
31. Лазенкова Л. М. Керченский музей древностей. Исследователи : «Почтенный» археолог А.Е. Люценко / Л. М. Лазенкова // Боспорский феномен. – СПб., 2001. – Ч. 2. – С. 287–292.
32. Марченко И. Д. Город Пантикапей / И. Д. Марченко. – Симферополь : Таврия, 1974. – 88 с.
33. Непомнящий А. А. Крымоведческие исследования в Одессе в середине XIX – начале XX в. / А. А. Непомнящий // Культура народов Причерноморья. – 1999. – № 7. – С. 101–118.
34. Беккер П. В. Керчь и Тамань в июле месяце 1852 г. / П. В. Беккер // ПроPILEI : сборник статей по классической древности. – М., 1853. – Т. 3. – С. 349–373.

***Авсеньова С.М.* Проблема збереження пам'яток Керчі у трудах мандрівників кінця XVIII – першої половини XIX ст.**

Дана робота присвячена одній з найбільш актуальних проблем сучасного суспільства, що бере початок з кінця XVIII ст., – охороні пам'яток старовини Криму на прикладі м. Керчі. Мета роботи – висвітлити проблему збереження історико-художніх пам'яток Криму, яка була заторкнута у нотатках мандрівників. Записки мандрівників являють собою важливе історичне джерело для вивчення історії Криму в цілому і, зокрема, міста Керчі кінця XVIII - першої половини XIX ст. Зроблено аналіз записок російських і іноземних мандрівників, що відвідали Кримський півострів в кінці XVIII – першій половині XIX ст. За період після приєднання Керчі в 1774 р. до Росії і до 30-х рр. XIX ст. місто, так само як і весь Керченський півострів, відвідала велика кількість іноземних і російських мандрівників. Серед них були: вчені, письменники і просто любителі старожитностей. Особливе враження на мандрівників справило негідне ставлення городян і міської влади до пам'яток старовини, зібраних у Керчі та її околицях. Характерно, що це відзначали і мандрівники кінця XVIII століття, коли тут не було ні музею, ні більш-менш організованого плану розкопок, і вояжери першої половини XIX в. – часу, коли почалися археологічні розвідки на Керченському півострові. Велика кількість археологічних знахідок у Керчі та її окрузі ставила питання про створення місцевого музею. Перші кроки в справі збереження старожитностей були зроблені вже на початку 20-х рр. XIX ст. У 1826 р. був відкритий міський історико-археологічний музей, що поклато початок археологічним дослідженням на керченській землі, які особливо активізувалися після відкриття кургану Куль-Оба в 1830 р. Проте належна увага до міських старожитностей прокинулося лише після

1850 р., коли урядом була створена комісія з дослідження старожитностей. Діяльність музею, становлення археології Керчі та її околиць, долі численних пам'яток старожитностей краю знайшли свій опис у роботах кожного вояжера. Зокрема, увагу цьому у своїх записках приділили: М. Гатрі, П.І. Сумароков, Габріель де Кастельно д'Орос, І. М. Мурав'єв-Апостол, Р. Лайелл, Х. О. де Гелль, Г. Сеймур, П. Беккер та інші. На основі фактів, наданих мандрівниками, простежено еволюцію розуміння російським суспільством необхідності охорони унікальних частинок минулого, їх збереження та наукового опису у розглянутий період.

Ключові слова: мандрівники, Керч, пам'ятники, музей, розкопки.

Avseneva S.N. The problem of preservation of monuments of Kerch in the works of the travelers of the end of the 18th – the first half of the 19th century

The present work is devoted to one of the most actual problems of modern society, beginning from the end of the 18th century, to the preservation of the Crimean ancient monuments (on the example of Kerch). The purpose of the work – to highlight the problem of preservation of historical and artistic monuments of the Crimea, which was raised in the notes of the travelers. The notes of the travelers are an important historical source for the studying the history of the Crimea as a whole and, in particular, the city of Kerch in the end of the 18th – the first half of the 19th century. Was conducted an analysis of the notes of Russian and foreign travelers, who visited the Crimean peninsula at the end of the 18th – the first half of the 19th century. Since the occurrence of the Kerch in 1774 into Russia and up to the 30's. of the 19th century the town, as well as the Kerch Peninsula, was attended by a large number of foreign and Russian travelers. They were scientists, writers and lovers of antiquities. The travelers were particularly impressed by unworthy attitude of citizens and city officials to the monuments of antiquity collected in Kerch and its surroundings. Characteristically, that it was noted by the travelers of the 18th century, when there was no a museum, nor a more or less organized plan of excavation, and by the travelers of the first half of the 19th century – the time when archaeological exploration were started on the Kerch Peninsula. The abundance of archaeological finds in the Kerch and its surroundings raised the question of the establishment of a local museum. The first steps in the preservation of antiquities were made in the early 20's. of the 19th century. In 1826 the historical and archaeological museum of the town was opened, which marked the beginning of archaeological research on the Kerch's earth, which were particularly activated after the opening of the burial mound Kul-Oba in 1830. However a due attention to the city's antiquities was awakened only after 1850 when the government was established the commission of studying of antiquities. The activities of the museum, the becoming of an archeology of Kerch and its surroundings, the fate of the many monuments of antiquity found its description in the work of each traveler. In particular, the attention to this were paid in the notes of: M. Guthrie, P.I. Sumarokov, G. de Castelnau, I. Muravev-Apostol, R. Layell, H. O. de Gell, H. Seymour, P. Becker and others.

Based on data provided by travelers was traced the evolution of understanding by the Russian society the necessity of preservation the unique parts of the past, taking care of their scientific description at the period under review.

Key words: travelers, Kerch, monuments, museum, excavations.

Подано до друку: 17.05.2013 р.

УДК 939.8 (Укр) (052.24)

Н. В. КАРМАЗИНА

Памятниковедческая деятельность ученых архивных комиссий на Юге Украины в последней четверти XIX – начале XX веков

Проанализирована роль ученых архивных комиссий Юга Украины в деле изучения и сохранения объектов культурного наследия в последней четверти XIX – начале XX вв. Обозначены основные причины обращения ученых архивных комиссий к сохранению древностей края. Отмечено, что основными формами памятниковедческой работы ученых архивных комиссий стали организация экспедиций для обследования древностей, выявление археологических объектов путем археологических разведок, посильное участие в проведении раскопок под руководством столичных специалистов и обобщение сведений о существующих памятниках, ходатайство перед местными органами власти, обращение в Археологическую комиссию по вопросам сохранения древностей, популяризация культурного наследия через периодические издания, участие в обсуждении ремонта и реставрации местных памятников. Подчеркнуто, что формы работы архивных комиссий Юга Украины отличались в зависимости от конкретных местных условий.

Ключевые слова: Юг Украины, памятниковедческая работа, ученые архивные комиссии, культурное наследие, древности.

Актуализация роли культурного наследия для решения множества памятникоохранительных проблем, отсутствие системы взаимодействия между государственными органами власти, общественностью, учеными по изучению, охране, использованию памятников истории, культуры требуют обращения к опыту памятникоохранительной деятельности в прошлом. На протяжении последней четверти XIX – начала XX вв. активно обследовали, изучали, принимали меры к сохранению и популяризации объектов культурного наследия ученые архивных комиссий.

Памятникоохранительной деятельности ученых архивных комиссий косвенно уделялось внимание в работах С. З. Зарембы, А. А. Непом-